

422

КИРГИЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

XXIV 159
25
j

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА**

ВЫПУСК 3

г. Фрунзе, 1954 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Пеков А. В. — К вопросу об особенностях героизма советского народа	3
Чокушов Б. Ч. — Патриотизм воинов Советской Киргизии на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.	19
Чукубаев А. А. — К вопросу об отношении Токтогула Сатылганова к Андижанскому восстанию	39
Татыбекова Ж. С. — Положение женщины-киргизки до Великой Октябрьской социалистической революции	47
Кадыров Ш. К. — Труды и отчеты П. П. Семенова-Тяньшанского как источник истории Киргизии середины XIX века	60
Бурковский А. Ф. — Из истории техники деревообделочного производства у киргизов	83
Вайнштейн О. Л. — Происхождение некоторых западно-европейских наций в свете марксистско-ленинского учения о нации	105
Арзыматов А. А. — Русско-шведские отношения в период 30-летней войны	125
Павлихин Е. А. — Общественно-политические взгляды А. П. Чехова	147
Ярыгин А. Ф. — Ранний прагматизм — идеология американского империализма	167
Хасанов А. Х. — О характере национальных движений в Киргизии в 50-х—60-х годах XIX века	185
Радвогин А. В. — К вопросу о понятии и принципах советской автономии	199

Е. А. ПАВЛИХИН

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. П. ЧЕХОВА

В 1954 году исполнилось 50 лет со дня смерти великого русского писателя А. П. Чехова. Общественность нашей страны широко отметила эту важную дату.

Антон Павлович Чехов был недюжинным мыслителем, характеристике его мировоззрения посвящены многие исследования советских литературоведов. Однако, насколько нам известно, не печаталось ни одной работы, посвященной философским воззрениям великого писателя, хотя в ряде статей указывается на необходимость тщательного анализа высказываний Чехова по философским вопросам. Подобное исследование тем более необходимо, что имеется ряд высказываний о философских взглядах Чехова, по нашему мнению, ошибочных.

Настоящая статья представляет собой небольшую часть работы, посвященной рассмотрению философских и эстетических воззрений писателя. В рамках небольшой статьи нет возможности проанализировать высказывания Чехова по общественно-политическим вопросам, вопросам морали и религии; охарактеризовать его интереснейшие взгляды на природу и назначение искусства. По той же причине не представляется возможным показать полностью процесс становления и развития философских воззрений писателя.

Большинство исследователей и критиков А. П. Чехова отмечает материалистическую основу его мировоззрения. Действительно, А. П. Чехов был убежденным материалистом и воинствующим борцом против идеализма, мистики и поповщины. Являясь в своих общественно-политических взглядах гуманистом и демократом, борцом против самодержавия и полицейского произвола, Чехов был страстным и непримиримым борцом за подлинно демократическую культуру, за передовую, материалистическую науку.

Некоторые критики творчества Чехова пытались приписать Чехову аполитичность и безидейность. Эта, с позволения сказать, традиция, клеветующая на великого писателя, берёт свое начало в литературно-критических статьях небезызвестного народника Н. К. Михайловского, который не мог простить А. П. Чехову его борьбы с народнической идеализацией деревни, с гнилым либерализмом народников.

К сожалению, некоторые советские критики и литературоведы пытались приписать Чехову позитивизм, механизм, агностицизм и т. д., тем самым принижая значение борьбы А. П. Чехова против поповщины всех оттенков, за материализм, за передовую материалистическую науку, за высоко-идейное народное искусство.

Так, например, Белевицкий в своей статье о творчестве Чехова, помещённой в одноимённом собрании сочинений А. П. Чехова (М., 1940), говорит о некотором налёте «агностицизма» у Чехова. Н. П. Кременцов в своей диссертации на соискание степени кандидата филологических наук «Идейный облик Чехова» (Ташкент, 1946) утверждает, что по своим философским взглядам Чехов был позитивистом и механистом. Он пишет: «Мышление Чехова, находившегося в это время более, чем когда-нибудь

под влиянием позитивистских установок в философии, обнаруживает признаки... механистичности».¹ Нам кажется, что философские воззрения А. П. Чехова требуют более серьезного исследования.

I

Будучи хорошо знаком с естественными науками, являясь медиком по образованию, Чехов не мог не испытать на себе влияния естественно-научного метода. Сам великий писатель неоднократно подчёркивал большое значение изучения естественных наук для выработки правильного мировоззрения и для своей литературной деятельности.

В письме к Россолимо Чехов указывает: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями... Они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже...»²

В этом письме А. П. Чехов подчёркивает не только роль естественно-научных знаний, приобретённых им в университете, но также и значение естественно-научного метода изучения действительности. Этот метод характеризуется признанием реального существования природы и её явлений, признанием объективного существования закономерностей реального мира, т. е. стихийным, естественно-научным материализмом. Необходимо отметить, что скрупулёзная точность в изучении явлений и научная добросовестность, присущая русским естествоиспытателям, являлась для Чехова одним из главных условий подлинно научного и честного, объективного подхода к явлениям действительности. Великий писатель горячо любил науку как совокупность знаний о реальном мире, накопленных человечеством, как важного орудия уничтожения невежества и темноты народных масс.

Для правильного познания закономерностей реального мира необходима определённая научная подготовка. Поэтому, пишет А. П. Чехов, «к беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу и к тем, которые до всего доходят своим умом, не хотел бы принадлежать».³

Это, однако, не означает, что Чехов отрицает возможность самостоятельного изучения действительности. В этих словах заключена та глубокая мысль, что без надлежащей подготовки, без определённого научного метода не может быть плодотворной работа изучения мира. Это положение Чехова прямо направлено против многочисленных в то время интеллигентов и даже писателей, отрицавших науку и превозносивших реакционную, идеалистическую теорию «интуитивного познания». Как правило, подобные «теоретики» были невеждами в науке, прикрывая своё нежелание и неумение освоить громадный материал, накопленный наукой, фразами о «бесплодности» науки и поповскими сказками о возможности сверхчувственного познания мира. Именно в этот период спиритуалисты, мистики и прочие шарлатаны и мракобесы «своим умом» доходили до отрицания роли и значения науки, до проповеди суеверия, мистики и поповщины.

Таким образом, Чехов борется с поповщиной за передовую науку, которую он высоко ценил и страстно любил. Можно вспомнить героя

¹ Н. П. Кременцов. Идеальный облик Чехова, канд. диссертация, стр. 68.

² Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, 1944—1950, т. 12, стр. 102. В дальнейшем цитаты из писем А. П. Чехова приводятся по данному изданию.

³ А. П. Чехов, т. 18, стр. 244.

«Скучной истории» старика-профессора, вся жизнь которого была посвящена науке. В высказываниях Николая Степановича о великой роли науки, несомненно, Чехов выражал и свои собственные мысли.

Эти высказывания, в частности, направлены против идей Л. Н. Толстого, отрицавшего значение науки для того, чтобы очистить место вере, религии. В своих произведениях и письмах Чехов неоднократно обрушивается против этих реакционных высказываний Л. Н. Толстого.

А. П. Чехов неоднократно подчёркивал громадное значение для учёного и художника определённого метода подхода к явлениям действительности. Говоря о методе, Чехов имеет в виду цельную и продуманную систему изучения и анализа фактов действительности. Наличие у того или иного исследователя цельного и продуманного способа подхода к явлениям действительности и способа изучения этих явлений Чехов считает крупным достижением и залогом успехов в научно-исследовательской работе и в творчестве художника.

Чехов отличает метод подхода, метод изучения, от самих взглядов, убеждений, которые вырабатываются в процессе существования у каждого человека, как в результате собственного опыта, так и в результате восприятия чужих мнений и взглядов. Ясно, что под методом Чехов понимает именно продуманную и цельную систему анализа явлений действительности, ибо в противном случае противопоставление метода взглядам и убеждениям, имеющимся у каждого человека, является бессмысленным.

Какова же роль метода исследования, по мнению Чехова, в работе учёного или художника? В одном из писем этого же года Чехов, характеризуя свой художественный метод, пишет: «Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, т. е. уметь отличать важные показания от неважных»¹.

Следовательно, по мысли Чехова, решающее значение метода исследования, метода анализа фактов действительности заключается в умении выделить главные, важнейшие явления из бесконечного переплетения их в природе и обществе. Именно способность ориентироваться в сложнейшем сцеплении и переплетении взаимосвязанных между собой явлений, событий, случайностей и закономерностей, умение выделить и взять за основу существеннейшие, необходимые явления, по мнению А. П. Чехова, составляет важнейшую черту таланта учёного и художника.

Особенно важно понять, что необходимым условием плодотворной работы художника и учёного, Чехов считает наличие у мыслителя продуманного во всех основных чертах, стройного и последовательного подхода ко всем явлениям природы и общества. Эклектическое смешивание различных точек зрения, неумение провести при анализе различных явлений в различных отраслях науки и искусства единого принципа, последовательной и чёткой точки зрения великий писатель презрительно называет «перепутанной проволокой», подчёркивая ненаучный характер подобных воззрений. Характерно, что более глубокое знакомство со взглядами Д. Н. Островского заставляет Чехова отозваться о нём резко отрицательно. Великий писатель отмечает, что с Д. Н. Островским «спорить так же трудно, как со спиритом. Его взгляды на нравственность, на политику и проч. — это какая-то перепутанная проволока; ничего не разберёшь. Поглядишь на него справа — материалист, зайдёшь слева — франк-масон. Таковую путаницу приходится чаще всего наблюдать у людей, много думающих, но мало образованных, не привыкших к точным определениям и к тем приёмам, которые учат людей уяснять себе то, о чем думаешь и говоришь»²

¹ А. П. Чехов, т. 14, стр. 119.

² Там же, стр. 401.

Важно заметить, что писатель отмечает сходство в воззрениях электика и путаника А. Н. Островского с реакционной галиматьей мистиков-спиритов. Отрицать наличие определённого «метода» у спиритов нельзя, их «способ» рассмотрения явлений весьма ясен — вместо правильного, научного подхода ко всем явлениям, вместо выяснения причин и механизма тех или иных фактов и событий, эти мракобесы всюду протаскивают сверхъестественные силы, чертей, боженьку и прочую мистическую чепуху. Следовательно, говоря о большом значении метода, Чехов имел в виду **научный** метод исследования, который помогает выяснить объективные закономерности, вскрывать необходимую связь явлений реального мира, отбрасывая прочь поповские сказки и мистико-спиритуалистическую чепуху. Здесь опять выясняется глубокая связь научного метода с материалистической основой воззрений исследователя.

Чехов подчёркивает, что для научного правильного решения важнейших вопросов необходима серьёзная научная подготовка. В записных книжках Чехов замечает, что для правильного решения важных, крупных вопросов необходима прежде всего правильная постановка вопроса, т. е. правильный, научный метод подхода, анализа фактов. Там же он подчёркивает необходимость большой и серьёзной работы по выработке этого метода.

«Чтобы решать вопросы о богатстве, смерти и пр. — пишет он — нужно сначала ставить эти вопросы правильно, а для этого нужна продолжительная умственная и душевная работа».¹

Эти положения были направлены против философствующих либералов, которые своими субъективными пожеланиями подменяли научный анализ важнейших явлений русской жизни. Чехов не случайно говорит о необходимости серьёзной не только умственной, но и душевной работы для выработки правильного, научного подхода к явлениям, для правильной постановки вопроса. Действительно, нужна была большая душевная сила, чтобы в период жесточайшей реакции царизма и засилья либерально-народнических доктрин в среде «прогрессивной» части общества пойти против антинаучных и контрреволюционных «идей» и «теорий» этих «глупых сусликов», громко называвших себя наследниками Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова и предававших анафеме всех инакомыслящих. И великий писатель нашел в себе эти силы...

Глубокий смысл имеет та мысль Чехова, что научный метод исследования, правильная постановка вопроса необходимы как учёному, так и художнику, ибо, по мнению Чехова, высказанному в ряде писем и произведений, между наукой и искусством существует теснейшая взаимосвязь, поскольку и наука и искусство отражают и призваны отражать реальную жизнь во всей сложности её развития.

Это положение Чехова является дальнейшей защитой и определенным развитием известной мысли В. Г. Белинского о связи науки и искусства, направленной против идеалистического и метафизического отрыва искусства от науки. В письме от 27 октября 1888 года Чехов подчёркивает, что правильная постановка вопроса необходима для художника.²

Чехов неоднократно замечал, что метод познания действительности, способ постановки важных вопросов играет огромную роль, и что, поэтому, выработка этого способа подхода к действительности является ответственным и трудным делом. Он предостерегал от некритического заимствования чужих мнений и взглядов. В рассказе «Огни» Чехов проводит эту мысль, указывая, к каким трагическим последствиям может привести некритическое усвоение той или иной модной «теории». В своих записных книжках, в записях, относящихся к работе над повестью «Три

¹ А. П. Чехов, т. 12, стр. 321.

² Там же, т. 14, стр. 207—208.

года», писатель делает многозначительную запись: «Человечество понимало историю, как ряд битв, потому что до сих пор борьбу считало оно главным в жизни».¹ Эту фразу Чехов вложил в уста Кочевского в повести «Три года».

В данном случае для нас представляет интерес та мысль писателя, что взгляды на основные, кардинальнейшие вопросы жизни человечества определяют отношение к другим проблемам и определяют в известной мере то или иное их решение. Писатель не смог понять, что история всех предшествующих классовых обществ была историей борьбы классов, однако мысль Чехова об определяющем значении правильного решения основных, кардинальнейших вопросов для решения остальных вопросов, безусловно, верна. Эту же мысль А. П. Чехов высказывает устами Маши в повести «Моя жизнь», где звучит призыв бросить все силы на решение основного вопроса — уничтожения нищеты и угнетения трудящихся масс, ибо все остальные вопросы будут решены гораздо легче после разрешения этого главного вопроса. Та же мысль проводится и в рассказе «Дом с мезонином», где рассказчик призывает уничтожить тяжкую кабалу, изнуряющий каторжный труд трудящихся, где он призывает лечить не болезни, а причины болезней. Подобная же мысль заключена в одной из записей в записных книжках Чехова: «Беда в том, что самые простые вопросы мы стараемся решать хитро, а потому и делаем их необыкновенно сложными. Нужно искать простое решение».² В самом деле, тогдашние «теоретики» либеральствующего народничества стремились путём псевдонаучных построений запутать головы революционно настроенной молодёжи сетью фраз о прогрессе, о «плавном» движении к социализму и т. п.

Чехов восстаёт против реакционной паутины либеральных «теорий», мучительно выискивая «простое», т. е. верное, радикальное и понятное широким народным массам решение. Беда Чехова заключается в том, что он не нашел этого решения, не нашел дороги к пролетарскому революционному движению, к марксизму.

Каковы же, по мнению А. П. Чехова, основные черты правильного, научного метода, который должен был помочь правильно поставить и найти правильное, действительное решение важнейших вопросов общественной жизни?

Основными чертами научного метода Чехова являются:

1. Научный, т. е. целеустремлённый, тщательный и добросовестный сбор данных, сбор конкретных фактов действительности путем серьезной экспериментальной работы и вдумчивого, критического анализа работ других исследователей. Именно в этом смысл того большого значения, которое Чехов придавал статистике, как науке, собирающей и научно систематизирующей огромный фактический материал.³

Великий писатель в своей практической работе по изучению положения каторжников на острове Сахалине собрал гигантский материал, лично опросив свыше 10 тысяч человек, проделав громадную работу по сбору фактов из научных исследований и публицистических статей об о. Сахалине. Характерны в этом отношении его письма периода подготовки к путешествию на Сахалин, в которых он критикует статьи и исследования, подчёркивая, что их авторы заменяют научное исследование антинаучной болтовней. Но и эти «исследования» Чехов старается проанализировать объективно, пытаясь выяснить по ним отношение общества того времени к интересующему его вопросу.

II. Выработка точных определений,⁴ т. е. научное выяснение и тол-

¹ А. П. Чехов, т. 9, стр. 197.

² Там же, т. 12, стр. 310.

³ Там же, т. 18, стр. 286.

⁴ Там же, т. 14, стр. 401.

кование основных положений, имеющих важное методическое значение. Подлинно научное исследование, по мысли Чехова, требует не эклектической мешанины понятий и терминов, оно исключает «перепутанную проволоку» антинаучных выдумок и предложений и требует проведения единственно научного — материалистического принципа в исследовании.¹

III. Выработка и строгое применение приёмов научной работы и, прежде всего, проведение материалистических принципов в исследовании, помогающее не уклоняться от поставленной цели и внимательно анализировать все факты, для выяснения их значения в решении поставленной задачи.

Так, ещё будучи студентом, А. П. Чехов думал провести исследование о причинах неравенства особей разных полов в животном мире и впоследствии о причинах неравноправия женщин в обществе. Он пишет брату Александру 17 или 18 апреля 1883 года:

«1. Задача, как видишь, слишком солидная, не похожая на... наших женских эманипаторов-публицистов и измерителей черепов.

2. Решая её, мы обязательно решим, ибо путь верен в идее, а решив, устыдим, кого следует, и сделаем хорошее дело. Подготовка и материалы для решения есть: дедукция больше, чем индукция. К самой идее пришёл я дедуктивным путем, его держаться буду при решении. Не отниму должного и у индукции. Создам лестницу и начну с нижней ступеньки, следовательно, я не отступлю от научного метода, буду и индуктивен... Взвешившись за зоологию, ты сейчас же увидишь свое дело: колебания увидишь — пиши, что есть авторитет, где нет — пиши нет. В чём состоят колебания? Причины их? Важны ли они? и т. д. Статистика и общий вывод у каждого класса. Приемы Дарвина. Мне ужасно нравятся эти приемы!.. Не стесняйся малознанием: мелкие сведения найдем у добрых людей, а суть науки ты знаешь; метод научный уяснил себе, а больше ничего не нужно. Не тот доктор, кто все рецепты наизусть знает, а тот доктор, кто умеет во-время в книжку заглянуть»².

Еще более показательна в этом отношении попытка А. П. Чехова проследить, чем объясняется неравенство женщин с мужчинами в обществе. Не будучи историческим материалистом, Чехов всё же пытается материалистически подойти к решению этого вопроса. Начиная с биологических, анатомических вопросов, привлекая статистику заболеваний мужчин и женщин, Чехов пытается выяснить роль общественных условий, определяющих неравенство женщин. И здесь ярко виден материалистический подход Чехова к этому вопросу: «Среди крестьянства, — пишет он, — авторитет не так резко очевиден, как среди высшего и среднего сословий. У крестьян: одинаковое развитие, одинаковый труд и т. д.»³

Чувствуя, что одними биологическими явлениями нельзя объяснить общественное явление, Чехов пытается найти причину общественного неравенства полов в современном ему обществе в воспитании. Не дойдя до марксизма, Чехов не смог увидеть, что причина общественного неравенства полов в капиталистическом обществе коренится в экономических и политических условиях жизни общества.

IV. Научное исследование требует, по мысли Чехова, объективного анализа фактов. Он считает антинаучными попытки «теоретиков» либерального народничества игнорировать факты, идущие вразрез с их мнениями, поэтому Чехов требует изучать жизнь во всей её сложности, с плюсами её и с минусами.⁴ По мнению писателя необходимо изучать явления, идущие как будто вопреки общественному развитию, необходимо

¹ А. П. Чехов, т. 14, стр. 360.

² Там же, т. 13, стр. 57—59.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Там же, т. 14, стр. 258.

внимательно анализировать факты и явления, противоречащие общепринятой точке зрения для того, чтобы правильно осмыслить общественные явления. Необходимо, чтобы та или иная теория строилась на основе фактов, чтобы факты подтверждали эту теорию и никоим образом недопустимо насиловать, извращать факты. Чехов считает недопустимым игнорирование важных явлений, идущих вопреки известным теориям.

V. Требование исторического подхода при анализе явлений общественной жизни... Чехов считает очень важным при анализе и оценке определённого общественного явления исследовать не один период, а, по возможности, все основные периоды истории общества, в которых развивается данное общественное явление. В письме к М. М. Киселевой 17 января 1887 года Чехов пишет, что для оценки каждого литературного направления необходимо осмыслить всю историю этого направления. Он пишет: «Один период, как-бы он ни был цветущ, не даёт нам права делать вывод в пользу того или другого направления».¹ Для всестороннего выяснения существа, роли и значения определенного явления общества и природы необходимо, по мысли Чехова, проанализировать не только настоящее, но также прошедшее и, по возможности, будущее этого явления.²

В письме к брату 25 февраля 1890 года Чехов писал: «Мне необходимо возможно подробное знакомство с газетной литературой о Сахалине, ибо она интересует меня не со стороны одних только даваемых ею сведений. Сведения, конечно, сами по себе, но... нужно и историческое освещение фактов, составляющее суть этих сведений. Статьи писались или людьми, никогда не бывавшими на Сахалине и ничего не смыслящими в деле, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинском вопросе и капитал нажили и невинность соблюли. Храбрость первых и уловки вторых, как элементы затемняющие и тормозящие, должны быть для исследователя ценнее всяких сведений, кои по большинству случайны и неверны; элементы сии отлично характеризуют отношение нашего общества вообще к делу, а к тюремному, в частности».³

Таким образом, Чехов не только декларировал необходимость исторического подхода к явлениям, но сам в своей практической деятельности руководствовался этим принципом. Не случайно в своей книге «Остров Сахалин» писатель дал историю колонизации о. Сахалина.

В своих произведениях А. П. Чехов, как правило, показывает своих героев в развитии, чем и достигается глубокая социально-психологическая характеристика героя. Вспомним повести «Дуэль», «Три года», сущность героев которых выявляется именно в показе их развития, движения. Описанию эволюции героя, как определённого социального типа посвящены известные рассказы «Ионыч», «Крыжовник» и другие.

В своих письмах и произведениях великий писатель нередко указывает на глубокую и сложную связь явлений реального мира и общественного развития. Не будучи диалектическим материалистом, Чехов не смог осмыслить и научно проанализировать сущность этих связей, не всегда умея выделить существенные, закономерные связи и не мог разобраться в сложном процессе исторического развития. Тем не менее, великий писатель, в ряде писем и произведений высказывает глубокие догадки о сложном характере взаимосвязей в процессе развития.

В одном из писем он критикует Боборыкина, который ставил Гоголя особняком, вне процесса развития русской литературы. Чехов подчёркивает в этом письме: «Коли уж становиться на точку естественного развития, то не только Гоголя, но даже собачий лай нельзя ставить вне русла,

¹ А. П. Чехов, т. 13, стр. 262.

² Там же, стр. 57—59.

³ Там же, т. 15, стр. 22—23.

ибо всё в природе влияет одно на другое и даже то, что я сейчас чихнул, не останется без влияния на окружающую природу».¹

В этих словах А. П. Чехов подчёркивает глубокую и тесную связь явлений в процессе развития, справедливо утверждая, что такого крупнейшего писателя русской земли как Гоголь нельзя ставить особняком, вне исторического процесса развития русской литературы, так как влияние Н. В. Гоголя на дальнейшее развитие русской литературы огромно. Чехов верно замечает, что даже самые мелкие и незначительные явления входят в цепь развития, оказывая влияние, конечно, соответственно своей величине и характеру. В этом отношении большой интерес представляют мысли Чехова о значении пожизненного заключения преступников. Собранный во время путешествия на о. Сахалин большой материал, Чехов утверждает, что исправительные меры, практиковавшиеся царским правительством по отношению к преступникам, ссылаемым на о. Сахалин, не достигают своей цели, так как бессмысленные и невероятно тяжкие каторжные работы, невозможность улучшения своего положения, без надежды на будущее, в результате долгосрочности, пожизненности наказания приводят к побегам. «Причиной, побуждающей преступника искать спасения в бегах, а не в труде и не в покаянии служит главным образом не засыпающее в нём сознание жизни. Если он не философ, которому везде и при всех обстоятельствах живётся одинаково хорошо, то не хотеть бежать он не может и не должен».²

Чехов правильно видит причину побегов и новых преступлений на о. Сахалине в самой прогнившей и бесчеловечной системе репрессивных мер царского правительства. «Есть предел, — пишет он в произведении «Остров Сахалин» — дальше которого репрессивные меры перестают быть действительными... И есть предел, перейдя который, репрессивные меры уже сами становятся причиной побегов...»³ [

В книге «Остров Сахалин», которая является настоящим обвинительным актом в адрес самодержавия и полицейского произвола, Чехов верно указывает, что карательные мероприятия царского правительства приводят к совершенно иным результатам, чем хотелось их авторам. Великий гуманист правильно подчёркивает, что вся система царского суда и бесчеловечных карательных мер переходит в свою противоположность, становясь источником новых преступлений.

Чехов не отождествляет движение в реальном мире с механическим движением, видимым и осязаемым всеми людьми без особенных трудностей. Он подчёркивает, что движение явлений, ход процессов в реальном мире обычно невидимы для невооруженного глаза, но что они существуют объективно.

«Движение есть, — пишет Чехов — но оно, как движение земли вокруг солнца, невидимо для нас».⁴

Все это доказывает, что Чехов не является вульгарным материалистом. Он борется как против идеализма, так и против вульгарного материализма. Так Чехов понимает недопустимость перенесения биологических законов на общество, чётко разграничивая область биологии, как науки о человеческом обществе.

Таковы основные черты чеховского метода изучения действительности, метода научного и художественного отражения явлений реального мира.

Этот метод характеризуется признанием реального существования природы и её явлений, признанием объективного существования закономерностей реального мира, т. е. естественно-научным материализмом, а

¹ А. П. Чехов, т. 15, стр. 275.

² Там же, т. 10, стр. 307.

³ Там же, стр. 318—319.

⁴ Там же, т. 18, стр. 309.

через него, при определённых условиях, элементами стихийной диалектики. В выработке этого метода большую роль сыграло естественно-научное образование, полученное Чеховым за время учёбы на медицинском факультете Московского университета.

Ф. Энгельс отмечал, что в конце XIX века естествознание, в силу накопившихся фактов, переходит от метафизического мышления к диалектическому. Энгельс подчёркивает, что этот процесс проникновения диалектического способа мышления, диалектического подхода к явлениям действительности в значительной степени прокладывает себе путь стихийно, просто благодаря напору самих естественно-научных открытий, не уместающихся больше в старом метафизическом прокрустовом ложе. Этот процесс стихийного распространения диалектического способа мышления в известной мере выразил в своих взглядах А. П. Чехов.

лучше
в конце
XIX

II

Характеризуя буржуазное общество, В. И. Ленин пишет в работе «Материализм и эмпириокритицизм»: «... едва ли найдется хоть один современнейший профессор философии (а также теологии), который бы не занимался прямо или косвенно опровержением материализма. Сотни и тысячи раз объявляли материализм опровергнутым и в сто первый, в тысяча первый раз продолжают опровергать его поныне».¹

Видя, как мракобесы с учёными знаниями всячески шельмуют материалистическую науку, Чехов приходит к выводу о необходимости собственного тщательного анализа, особенно тех явлений действительности, о которых уже высказывались официально признанные знаменитости.

«Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, — замечает писатель в записных книжках, — то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай».²

Являясь подлинным реалистом, Чехов не навязывает действительности своих мнений и желаний, а изображает реальную жизнь. Чехов понимал, что в основе реалистического произведения должно быть изображение реальной жизни, реальных людей в реальных обстоятельствах. Он пишет о писателях прошлого: «Лучшие из них реальны и пишут жизнь такую, какая она есть...»³

В рамках настоящей статьи не затрагивается вопрос о сущности реализма вообще и особенностях реализма Чехова в частности. Статья ограничивается попыткой только вскрыть материалистическую основу подхода А. П. Чехова к явлениям изображаемой им действительности.

Излагая свои мысли об особенностях художественного отражения мира, Чехов пишет о своём рассказе «Огни»: «Щеглов-Леонтьев ставит мне в виду, что я кончил рассказ фразой: «Ничего не разберёшь на этом свете!» По его мнению, художник-психолог должен разберать, на то он и психолог. Но я с ним не согласен. Пишущим людям, особливо художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер. Толпа думает, что она всё знает и всё понимает; и чем она глупее, тем кажется шире её кругозор. Если художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то это уже одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперёд».⁴

Можно ли на основании этого высказывания А. П. Чехова заключить о его агностицизме, как это сделал, например, Белевицкий? Не говоря уже о других его замечаниях, заключающих определённую мысль о возможности познания закономерностей природы и общественного развития,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 11.

² А. П. Чехов, т. 12, стр. 102.

³ Там же, т. 15, стр. 446.

⁴ Там же, т. 14, стр. 121.

из приведённого высказывания совсем не вытекает заключение об агностицизме Чехова. В этом письме Чехов говорит о том, что люди не познали ещё всех законов общественного развития, что они ещё многого не знают. Ссылка на Сократа, точнее на его известное изречение: «Я знаю то, что ничего не знаю!» — говорит о том же. Конечно, в пылу полемики Чехов несколько преуменьшает свои знания общественной жизни — то же самое он делает в целях большей художественной выразительности в конце рассказа «Огни». Но из всего этого следует только тот вывод, что наши знания о мире сравнительно малы, но ни в коей мере не следует приписывать А. П. Чехову мнение о невозможности познания мира. Это видно также из слов Чехова о полезности признания собственного невежества для развития наших знаний. Чехов подчеркивает, что даже это признание составит большое знание в области мысли и большой шаг вперёд. Это положение целиком направлено против «толпы» русских интеллигентов того времени, невежество и пошлость которых Чехов неоднократно разоблачает в своих произведениях и письмах. В письме к Леонтьеву (Щеглову) Чехов подчёркивает: «Всё знают и понимают только дураки и шарлатаны».¹ Это положение направлено также против тех литераторов, которые трактовали в своих произведениях о тех вещах, которых не знали. О подобных писателях Чехов саркастически писал: «Русский писатель живёт в водосточной трубе, ест мокриц, любит халд и прачек, не знает он ни истории, ни географии, ни естественных наук, ни религии родной страны, ни администрации, ни судопроизводства... одним словом чорта лысого не знает».² Интересно, что Л. Н. Толстого, которого Чехов очень любил и высоко ценил как художника, он критикует именно за попытку трактовать о том, чего он — Толстой — не знает. Так, говоря о «Крейцеровой сонате» Толстого, Чехов подчёркивает: «Кроме всего того, что Вы перечислили, в ней есть ещё одно, чего не хочется простить её автору, а именно смелость, с какою Толстой трактует о том, чего он не знает и чего из упрямства не хочет понять».³

Таким образом, в своих письмах и произведениях А. П. Чехов борется с невежеством, много раз подчеркивая громадное значение науки.

Как известно, вопрос о признании объективной истины В. И. Ленин считал критерием для решения вопроса о принадлежности того или иного учёного к материалистическому направлению. Для «агностицизма или немного далее: субъективного идеализма — объективной истины быть не может. Для второй точки зрения, т. е. материализма, существенно признание объективной истины»⁴ — указывает великий вождь.

А. П. Чехов признаёт объективную истину, как результат научных исследований. Характерно, что в этом вопросе он прямо и сознательно становится на защиту подлинно передовой, материалистической науки. Он пишет о подлинных ученых:

«Они ищут истину в материи, ибо искать её больше им негде, так как видят, слышат и ощущают они одну только материю. По необходимости они могут искать истину только там, где пригодны их микроскопы, зонды, ножи...»⁵

Таким образом, Чехов признаёт существование объективной истины, подчёркивая при этом необходимость опытного, экспериментального исследования природы.

«Вне материи — указывает Чехов — нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины».

¹ А. П. Чехов, т. 14, стр. 121.

² Там же, стр. 368.

³ Там же,

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 114.

⁵ А. П. Чехов, т. 14, стр. 360.

⁶ Там же.

Опровергая модные идеалистические выверты философских безголовцев тех времён, Чехов прямо утверждает, что только материалистическое направление является подлинно научным, единственно верным направлением в науке. Он пишет: «Материалистическое направление не школа и не направление в узком газетном смысле».¹

Этим Антон Павлович Чехов разоблачает якобы «объективных» интеллигентов, уверявших, что, безотносительно к тому, кто прав, оба направления—и материалистическое и идеалистическое—являются направлениями в одной науке, и, в сущности, правомерны.

Это эклектическое утверждение, смазывающее коренную противоположность научного материалистического направления и антинаучного идеалистического и представляющее замаскированную защиту идеализма, великий писатель разоблачает, доказывая, в противовес идеалистическим измышлениям лакеев поповщины, что материалистическое направление не есть нечто случайное, преходящее; оно необходимо и неизбежно и не во власти человека.²

Это глубокое положение Чехова о неизбежности и необходимости материалистического направления в то время было очень смелым и важным. Оно свидетельствует о том, что Чехов является не стихийным естественно-научным материалистом, какими были большинство естествоиспытателей того времени, неосознанно, стихийно признававших реальное существование внешнего мира, а сознательным материалистом, убежденным борцом с мистикой и идеализмом.

В. И. Ленин с своим гениальным труде «Материализм и эмпириокритицизм» указывает: «Естествоиспытатель *бессознательно* принимает, что его учение отражает объективную реальность и *только* такая философия примирима с естествознанием!»³.

Чехов идёт дальше подобных естествоиспытателей, **сознательно** противопоставляя материалистическую философию, которая **только** одна примирима с естествознанием, идеализму, являющемуся выдумкой, заблуждением, фантазией или намеренным искажением реального мира. Правда, А. П. Чехов не представлял себе классовый смысл идеализма, говоря в одном из писем, что причиной борьбы идеализма и материализма в науке являются заблуждения.

Подчёркивая общую основу всех отраслей подлинной науки — именно, отражение ими объективной реальности и познание реальных, объективно существующих законов её, Чехов громит тонко замаскированное идеалистическое утверждение, что борьба в науке обусловлена различием самих наук, якобы противоречащих одна другой. Это положение, отрицающее по своей сути объективную истину, стремящееся замаскировать подлинные причины борьбы в науке, Чехов критикует и опровергает. «Знания всегда пребывали в мире. И анатомия и изящная словесность... Воюют же не знания, не поэзия с анатомией, а заблуждения, т. е. люди».⁴

Это важное положение А. П. Чехова, ставящее вопрос о глубоком внутреннем единстве всех отраслей науки и даже о единстве науки и искусства, как форм познания и отражения реального мира, не случайно у Чехова. В основе этого лежит продуманное признание Чеховым материальности мира и объективности его законов. Годом раньше Чехов пишет: «Мы знаем, что в природе есть а, б, в, г, до, ре, ми, фа, соль, есть кривая, прямая, круг, квадрат, зеленый цвет, красный, синий... знаем, что всё это в известном сочетании даёт мелодию или стихи, или картину, подобно тому, как химические тела в известном сочетании дают дерево, или камень, или море, но нам только известно, что сочетание есть, но порядок этого

¹ А. П. Чехов, т. 14, стр. 360.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 264.

⁴ А. П. Чехов, т. 14, стр. 368.

сочетания скрыт от нас. Кто владеет научным методом, тот чувствует душой, что у музыкальной пьесы и у дерева есть нечто общее, что та и другое создаются по одинаково правильным, простым законам».¹

Тем «общим», что объединяет все области науки, искусство и т. д. является тот факт, что они, каждый по своему, отражают объективно существующий реальный мир. Таким образом, целью науки является открытие законов развития этого мира, открытие «порядка этого сочетания». В этом отрывке Чехов подчёркивает сложность, трудность познания, ибо закономерности мира являются внутренними его закономерностями, далеко не всегда видимыми ясно.

Положение о необходимости и неизбежности материалистического направления, существование которого не зависит от воли людей, Чехов развивает в нескольких письмах. Основной причиной и доказательством этого он считает материальность мира. «Всё, что живёт на земле, материалистично по необходимости. В животных, в дикарях, в московских купцах всё высшее, nežивотное обусловлено бессознательным инстинктом, не по их воле. Существа высшего порядка, мыслящие люди—материалисты тоже по необходимости».²

Этим Чехов подтверждает необходимость материалистического воззрения, подчёркивая независимость его от воли людей. Одновременно Чехов поднимает здесь вопрос о материальной основе психических явлений, подчёркивая, что на низших ступенях своего развития (в животных, в дикарях, в московских купцах—с юмором пишет Чехов) психическая жизнь есть бессознательный инстинкт, т. е. материальна в своём источнике, является продуктом долгого исторического развития особым образом организованной материи.

Чехов верно подмечает, что даже самые закоренелые идеалисты являются материалистами во всём, что они делают и чего добиваются, подчёркивая тем самым, что идеализм как течение является возможным только в теоретических выкрутасах.

«Во всём же, что они делают—пишет Чехов об идеалистах—и чего добиваются, они такие же материалисты по необходимости...».³

Материалистическое положение о связи материального и идеального, о первичности материи и вторичности сознания Чехов доказывает на фактах естествознания, особенно медицины, указывая, что «психические явления поразительно похожи на физические, что не разберёшь, где начинаются первые и кончаются вторые? Я думаю, что, когда вскрываешь труп, даже у самого заядлого спиритуалиста необходимо явится вопрос: где тут душа? А если знаешь, как велико сходство между телесными и душевными болезнями, и когда знаешь, что те и другие болезни лечатся одними и теми же лекарствами, поневоле захочешь не отделять душу от тела».⁴

Этими высказываниями А. П. Чехов наносит удар тогдашним мистикам и идеалистам, проповедывавшим «божественность интеллекта», отрицавшим материальную основу психической жизни.

В своей общественной деятельности и, в особенности, в своих произведениях, Чехов боролся с философией реакции и мракобесия. Как известно, среди части русской интеллигенции того времени получила распространение враждебная науке, реакционная, идеалистическая философия, открыто признающая духовную сущность мира и отрицающая реальность материи—спиритуализм. Многие представители буржуазной интеллигенции и науки занимались столоверчением, «общением» с духами и тому подобной чертовщиной. Лучшие передовые учёные—материалисты нашей стра-

¹ А. П. Чехов, т. 14, стр. 216.

² Там же, стр. 360.

³ Там же, стр. 361.

⁴ Там же, стр. 360.

ны боролись с этим мрачным поветрием. Вспомним борьбу Менделеева со спиритизмом и мистикой, которую он вёл в семидесятых годах 19 века, будучи членом «Комиссии для рассмотрения медиумических явлений», учреждённой физическим обществом при Петербургском университете. Вспомним борьбу К. А. Тимирязева против идеализма, за материализм в науке. Чехов встал в ряд с этими лучшими людьми русской науки. Он боролся со спиритуализмом, разоблачая антинучную сущность их «теорий». Он прямо писал: «Спиритуалисты—это не учёное, а почётное звание. Они не нужны как учёные».¹

Во многих своих произведениях А. П. Чехов высмеивает мистические увлечения русской интеллигенции. Например, в рассказе «Тайна» он высмеивает увлечение спиритизмом, рисуя, как сама жизнь разоблачает «сверхестественные» и «таинственные» явления. Характерно, что в первой редакции этого рассказа Чехов дал картину похорон некоего Федюкова, который якобы после своей смерти расписался в поздравительном листе— и на этом строится увлечение героя спиритизмом. В целях усиления разоблачающего действия рассказа, Чехов во второй редакции не даёт эпизода с похоронами, тем самым он усиливает сатирическую выразительность, показывая как из пустяшного факта — неизвестная подпись в поздравительном листе — вырастает глупое увлечение спиритизмом, подчёркивая вздорность мистики, спиритизма. Мистицизм «образованной части» русского общества А. П. Чехов бичует во многих своих произведениях.

А. П. Чехов поддерживал борьбу К. А. Тимирязева против идеалиста и мракобеса Богданова, напечатав статью «Фокусники», которую сам считал дополнением к брошюре Тимирязева «Пародия науки». В одном письме в августе 1891 года Чехов приветствует борьбу К. А. Тимирязева с проф. Богдановым и замечает: «Тимирязев воюет с шарлатанской ботаникой, а я хочу сказать, что и зоология стоит ботаники».² Известна глубокая признательность К. А. Тимирязева А. П. Чехову за эту поддержку. По этому поводу у них завязалась переписка.

Особенный интерес представляет борьба Чехова с реакционным французским писателем Полем Бурже, который в своих романах оплёвывал материализм и проповедывал самые реакционные идеалистические и религиозные идеи. В своём романе «Ученик», получившем широкое распространение и известность в 90-х годах XIX века, Поль Бурже откровенно признаёт себя защитником интересов буржуазии. «О, честный средний класс, стойкая и мужественная буржуазия, которой ещё обладает Франция! Сколько за эти двадцать лет дала она трудолюбивых офицеров, ловких и стойких дипломатов, превосходных профессоров, истинных артистов!»— распинается Бурже во вступлении к роману «Ученик». Ничуть не скрывает Бурже и цели своего романа — воспитание молодёжи в духе и в интересах этой буржуазии. Бурже — идеалист, ярый враг материализма и материалистической прогрессивной науки, проповедник религии и мракобесия. Он призывает молодёжь: «В наше время смятённого сознания и противоречивых учений держись, как за ветвь спасения, за слова священного писания: «Познавайте древо по плодам его». Есть одна реальность, в существовании которой ты не можешь сомневаться, ибо ты ею обладаешь, ты её ощущаешь, ты ею живешь каждую минуту: это твоя душа... Современная наука, искренняя, скромная признаёт, что за пределами её анализа простирается область непознаваемого».

В своём романе Бурже пытается доказать вредность материализма, материалистической науки. Он рисует некоего учёного Сикста, учением которого воспользовался некий «ученик»— Грелу для оправдания собственных мерзких поступков. Бурже хочет нарисовать в Сиксте учёного-

¹ А. П. Чехов, т. 15, стр. 236.

² Там же.

материалиста, но, так как он, во-первых, сам хорошенько не знает сущности материалистического учения, и во-вторых, хочет его всеми способами опорочить, то Сикст в романе является не материалистом, а скорее кантрианцем и спенсерянцем. Главным «грехом» Сикста Бурже считает его атеизм.

А. П. Чехов сразу же понял реакционный смысл романа «Ученик». Прежде всего отметив, что изображённая Полем Бурже наука Сикста вовсе не похожа на подлинно материалистическую науку, Чехов обрушивается на идеалистическую, обскурантистскую концепцию Бурже.

Говоря о спекулятивной философии морали, Чехов пишет:

«Что же касается книжной, учёной психологии, то он (Бурже — Е. П.) её так же плохо знает, как лучшие из психологов. Знать её — всё равно что не знать, так как она не наука, а фикция, нечто вроде алхимии, которую пора сдать в архив».¹

Сказав об этом, Чехов сразу же критикует самое главное в романе Бурже, не останавливаясь на частностях: «Если говорить о его недостатках, то главный из них — это претенциозный поход против материалистического направления. Подобных походов я, простите, не понимаю».²

Чехов прямо противопоставляет свою материалистическую точку зрения идеализму Бурже, подчёркивая необходимость и неизбежность материалистического воззрения на мир. «Воспретить человеку материалистическое направление — равносильно запрещению искать истину»,³ утверждает Чехов. Прямо полемизируя с П. Бурже, который во введении к роману уверяет, что единственной реальностью является душа, Чехов пишет: «Я думаю, что когда вскрываешь труп, даже у самого заядлого спиритуалиста не о б х о д и м о появится вопрос: где тут душа?».

Опрокидывая лживые утверждения П. Бурже и прочих мракобесов, уверявших во «вредности» материализма, Чехов приводит факты: «Говорить о вреде и опасности материалистического направления, а тем паче воевать против него по меньшей мере преждевременно... Попы ссылаются на неверие и разврат... Что же касается разврата, то за утончённых развратников, блудников и пьяниц слынут не Сиксты и Менделеевы, а поэты, аббаты и особы, исправно посещающие польские церкви»⁴

Чехов прямо указывает, что Бурже воюет с передовой наукой, с материализмом, что целью его романа является попытка опорочить материалистическую науку. А. П. Чехов подчёркивает, что Бурже клеветает на науку: «Что же касается «психологических опытов», прививок детям пороков и самой фигуры Сикста, то всё это донельзя утрировано».⁵

В другом письме он возвращается к этому вопросу: «Сикст орёл, но Бурже сделал из него карикатуру. «Психологические опыты» — клевета на человека и на науку. Неужели, если бы я написал роман, где у меня анатом ради науки вскрывает свою живую жену и грудных детей или учёная докторша едет на Нил и с научной целью совокупляется с крокодилом или с гремучей змеей, то неужели бы этот роман не был клеветой?».⁶

Опровергая гнусные измышления попов и мракобесов, Чехов подчёркивает чистоту намерений подлинных ученых и громадную пользу их трудов. Он противопоставляет их мракобесу Бурже, стремящемуся на место науки поставить религию, на место истины, реальных законов реального мира протащить боженьку. «Одним словом, — пишет Чехов, — поход Бурже мне непонятен. Если бы Бурже, идучи в поход, одновременно потрудились указать материалистам на бесплотного духа в небе и ука-

¹ А. П. Чехов, т. 14, стр. 360.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, т. 14, стр. 361.

⁵ Там же, 360—361.

⁶ Там же, стр. 368—369.

зять так, чтобы его увидели, тогда другое дело, я понял бы его экскурсно».¹

М. П. Гущин,² анализируя повесть «Скучная история» утверждает, что эта повесть имела значение нейтрализации антиматериалистической философии П. Бурже, способствовавшей укреплению позиции мистиков во главе с В. Соловьевым, и указывает на факт использования Чеховым автобиографических материалов Н. И. Пирогова, идейный, философский кризис которого послужил Чехову отправной точкой при характеристике идейного кризиса Николая Степановича.

Таким образом, борьба великого писателя-материалиста с идеалистической философией П. Бурже являлась борьбой с идеализмом и мракобесием русских обскурантов и лакеев поповщины.

Чтобы оценить силу этого выступления А. П. Чехова, необходимо вспомнить, какое широкое распространение получил «Ученик» в России тех лет. Уже в наше, советское время этот роман переиздавался, нужно сказать, без достаточно серьезных примечаний.

В статье Ф. Шиллера в I томе «Литературной энциклопедии» (1929 г.) о романе Бурже написано всего несколько строк: «В последнем романе, где подлинные герои—идеи и философские системы, (Бурже) очень тонко ставит вопрос об ответственности ученых, философов, писателей за высказываемые ими взгляды, влияющие на жизненный путь поколений»³. В учебнике «История западно-европейской литературы нового времени» (1937 г.) тот же Ф. Шиллер пишет о романе: «Ученик» указывает на отход Бурже от философии позитивизма и реализма, которой он увлекался в своём раннем творчестве».⁴

Если сравнить эти объективистские оценки советского профессора в 1937 году с оценкой А. П. Чехова, данной «Ученику» в 1889 году, то сравнение будет далеко не в пользу первого.

На фоне подобных «научных исследований» сознательное и страстное выступление Чехова против идеалиста и мракобеса Бурже в защиту материализма и передовой прогрессивной науки представляется особенно смелым и важным.

Чехов высоко ценил подлинных учёных, воинствующих материалистов. Одним из их важнейших качеств писатель-материалист считал непримиримость в борьбе с реакцией, идеализмом и мракобесием. Он писал в одном из писем: «Вас пугают материалистические идеи Вагнера? Тоже, нашли материалиста! Это баба, кисель, и уж если говорить о его направлении, то скорее всего он ярый спиритуалист и толстовец даже. Я в миллион раз больше материалист, чем он».⁵

Биолог В. А. Вагнер был последователем Вейсмана и Моргана, как это явствует из его статьи «Биологические воззрения и вопросы жизни».⁶

Компилятор, с восторгом копирующий западных «знаменитостей», проповедывавший идеалистические идеи Вейсмана, Вагнер, конечно, не был сознательным и последовательным материалистом. Чехов понял это и отмежевался от Вагнера. Подчёркивая, что Вагнер—«кисель и баба», Чехов тем самым давал понять, что подлинный материалист является борцом против идеализма, мракобесия и поповщины.

Критикуя П. Бурже, заставившего материалиста Сикста в конце романа возвратиться к религии, Чехов пишет: «Коли нужно говорить прав-

¹ А. П. Чехов, т. 14, стр. 361.

² М. П. Гущин. Творчество А. П. Чехова в общественно-политической борьбе 80-х—90-х гг. XIX в. Автореферат докторской диссертации. М., 1951, стр. 9.

³ Литературная энциклопедия, т. 1, стр. 619—620.

⁴ Ф. Шиллер. История западноевропейской литературы нового времени, М., Госполитиздат 1937, стр. 181.

⁵ А. П. Чехов, т. 16, стр. 28.

⁶ Журнал «Русская мысль», 1889, книга 5.

ду от начала до конца, то такой фанатик-ученый как Сикет, прочитав «Отче наш», должен затем вскочить и подобно Галлилею воскликнуть: «А все-таки земля вертится!»¹

Теоретическая борьба в России тех лет велась между марксистами и народниками по вопросу о судьбах капитализма в России. Как известно, в этот период народники обвиняли марксистов в кровожадных стремлениях разрушить крестьянскую общину и выварить мужика в фабричном котле. Субъективно-идеалистически рассматривая вопрос о характере общественных явлений, отрицая объективность и закономерность общественных процессов, народники не понимали, что разрушение общины и развитие капитализма в России того времени являются результатом развития производительных сил и не зависят от воли и желания тех или иных теоретиков. Народники не понимали исторически закономерного характера процесса общественного развития.

Великий писатель-материалист внимательно следил за процессами расслоения крестьянства и разрушения общины. Понимая объективный характер этих явлений общественной жизни, Чехов в 1893 году критиковал субъективизм народников, высказывая глубокие и верные мысли об историческом характере общественных явлений: «...исходя из того положения, что община есть явление историческое и что круговая порука есть необходимое её условие, мы должны признать себя бессильными, ибо что создано историей, то и сокрушается не чиновничьими головами, а тою же историей, т. е. историческими движениями в общественной жизни. Так как бороться с общиной мы не можем, то будем мудры и поищем средств для борьбы в самой общине»...²

Здесь А. П. Чехов говорит о неспособности людей противостоять законам общественного развития, о невозможности отменить эти законы и призывает к серьезному научному исследованию явлений, происходящих в общине, для выявления внутренних процессов разложения общины, внутренней борьбы в самой общине, с тем чтобы использовать эти объективные процессы. Отвергая уверения народников, что община в России помогает развитию сельского хозяйства, Чехов фактами доказывает, что круговая порука, общинная форма землевладения мешает развитию хозяйства и поэтому община разрушается. Долгое время живя в деревне и видя, что общинная форма прикрывает начавшуюся эксплуатацию бедняков кулаками-мироедами внутри общины, писатель говорит в письме от 17 января 1899 г.: «Я сам против общины. Община имеет смысл, когда приходится иметь дело с внешними неприятелями, делающими частые набеги, и с дикими зверями. А сейчас—это толпа, искусственно связанная, как толпа арестантов. Говорят Россия — сельскохозяйственная страна. Это так, но община тут не причём, по крайней мере, в настоящее время. Община живёт земледелием, но раз земледелие начинает переходить в сельскохозяйственную культуру, то община уже трещит по всем швам, так как община и культура — понятия несовместимые».³

В этом письме великий писатель указывает на историческую обусловленность возникновения общины, связывая её возникновение с определёнными экономическими и политическими условиями жизни людей. Чехов считает, что община возникает тогда, когда производительные силы общества настолько слабы, что борьба с природой непосильна для отдельного человека, отдельной семьи. Экономическая и политическая слабость общества того времени диктует необходимость объединиться в общину. Чехов правильно замечает, что развитие производительных сил (сельскохозяйственная культура) является причиной разрушения общины. Эти материалистические взгляды А. П. Чехова направлены против субъективно-идеалистических теорий народников.

¹ А. П. Чехов, т. 14, стр. 367.

² Там же, т. 16, стр. 85 — 86.

Громя измышления народников об особом, некапиталистическом пути развития России, Ленин писал в работе «Что такое друзья народа...»: «Нельзя лучше ответить на это, как показавши им действительную деревню или действительную её экономику».¹

Как известно, А. П. Чехов в ряде своих произведений правильно отразил объективный процесс разложения общины, за что подвергся травле со стороны критиков народнического направления. Сила произведений Чехова крестьянского цикла («Мужики», «В овраге», «Бабы», «Новая дача», «На подводе», «Жена» и др.) в том, что он показал неизбежность капитализирования деревни, что он нарисовал картину глубокого раскола деревенской общины. Тем самым Чехов объективно помогал борьбе марксистов против субъективистской, идеалистической теории народников.

А. П. Чехов внимательно следил за общественно-политической и экономической литературой и активно выступал против псевдонаучных воззрений теоретиков субъективизма. В письме к А. М. Евреиновой, издававшей журнал «Северный вестник», в котором помещали свои философские и социологические изыскания Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, В. В. Лесевич и др., он язвительно называет этих столпов народничества «ненастоящими философами и настоящими социолого-наркотистами». Характерно, что этим кабинетным теоретикам он противопоставляет подлинных ученых-экспериментаторов и, в области социологии — людей, активно участвующих в общественной жизни, практиков. Чехов чувствует необходимость противопоставить субъективистам людей живого дела, практики, но настоящих практиков революционной борьбы — коммунистов, марксистов — писатель не знал. Поэтому он может только противопоставить кабинетным субъективистским теоретикам практику вообще, опровергающую измышления субъективистов: «Приглашайте настоящих ученых и настоящих практиков, а об уходе ненастоящих философов и настоящих социолого-наркотистов не сожалейте».²

Говоря в письме к Плещееву 21 октября 1889 года об уходе этих псевдоученых из журнала «Северный вестник», великий писатель саркастически замечает: «Уход Южакова — это громадная, незаменимая потеря для тех читателей, которых летом одолевают мухи. Статьи Южакова, как сонно-одуряющее средство, действительнее мухомора».³ Материалист Чехов отрицает за философскими, социологическими и экономическими писаниями теоретиков народничества какую-либо научную ценность.

В силу исторической ограниченности своих философских и общественно-политических воззрений А. П. Чехов не мог дать подлинно научной критики субъективно-идеалистического метода в социологии и не смог найти единственно-научного — диалектико-материалистического метода исследования общественной жизни, однако его попытки в этом направлении являются бесспорно важным и прогрессивным явлением.

Большой интерес представляет борьба писателя-материалиста с теорией социального дарвинизма, имевшей некоторое распространение в России тех лет. А. П. Чехов находился в числе передовых людей России, воспринявших и популяризовавших дарвинизм. Он с восторгом писал о материалистических приемах исследования Дарвина, но понимал, что распространение чисто биологических теории Дарвина на общество является антинаучным. В своих произведениях он с едким сарказмом разоблачает эту вульгарно-социологическую теорию, показывая, что её поднимают на щит представители отмирающих классов.

Например, в рассказе «В усадьбе» Чехов рисует дворянина Рашевича,

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., т. 1, стр. 217.

² А. П. Чехов, т. 18, стр. 22.

³ А. П. Чехов, т. 14, стр. 429.

полного животной ненависти к различиям, к широким народным массам.

«Белая кость, дорогой мой, имеет естественно-историческое оправдание, и отрицать её, по-моему, так же странно, как отрицать рога у оленя... Я же — неисправимый дарвинист, и для меня такие слова, как порода, аристократизм, благородная кровь — не пустые звуки... проповедует Рашевич.— Тем, что у человечества есть хорошего, мы обязаны именно природе, правильному естественно-историческому, целесообразному, ходу вещей, старательно, в продолжение веков, обособлявшему белую кость от чёрной... С точки зрения естественно-исторической, плохой Собакевич только потому, что он белая кость, полезнее и выше, чем самый лучший купец, хотя бы этот последний построил пятнадцать музеев»¹.

Чехов доказывает убожество и несостоятельность «теории» Рашевича — «теории» социального дарвинизма, показывая, что в действительности происходят явления, противоречащие этой теории.

Так в повести «Дуэль» великий писатель разоблачает «теорию» Фон-Корена, представляющую из себя смесь социального дарвинизма с мальтузианством и ницшеанством. Фон-Корен предлагает уничтожить «неполноценных», «слабых» людей, утверждая, что взаимопомощь в человеческом обществе вредна, так как позволяет существовать и размножаться «неполноценным» людям. В конце повести Фон-Корен признаёт ошибочность своей «теории», опровергнутой жизненными фактами.

Великий гуманист разоблачал человеконенавистническое «учение» Мальтуса, в настоящее время подхваченное идеологами американско-английского империализма, старающимися доказать, что нищета, голод и высокая смертность среди миллионных масс трудящихся являются, во-первых, вечным законом природы, и во-вторых, выгодным, полезным явлением для развития человечества.

Слова Чехова в письме от 18 октября 1892 г. направлены прямо против мальтузианства: «Высокая смертность — это серьёзный тормоз. Мы ведь бедны и некультурны от того, что у нас много земли и очень мало людей».²

Эти слова А. П. Чехова не случайны. Он опирается на большой фактический материал, собранный, в частности, во время поездки на Сахалин. Эти слова, однако не означают, что Чехов видел причину нищеты только в малочисленности населения, в данном случае он фактами опровергает нашумевшую в то время антинаучную и человеконенавистническую «теорию» Мальтуса.

А. П. Чехов следил за общественно-политической и философской литературой. Поэтому он был конечно, знаком с нашумевшей философией Ницше. К этой человеконенавистнической, расистской философии он относился резко отрицательно. Он пишет в одном из писем о Ницше: «Философию его, впрочем, я считаю недолговечной. Она не столь убедительна, сколь бравурна».³

Отрицательное отношение великого писателя к философии Ницше вполне закономерно. Замечательному гуманисту и демократу, страстному патриоту своей Родины не могла понравиться аристократическая, звериная философия Ницше. Во многих своих произведениях Чехов полемизирует с этой нашумевшей философией «сверхчеловека». Чехов чувствовал общее антинаучное содержание «теории» Ницше и народнической «теории героев и толпы».

Глубокая и искренняя вера А. П. Чехова в неисчерпаемые силы народа, в замечательное будущее России является основой его неприятия

¹ А. П. Чехов, т. 17, стр. 34.

² Там же, т. 15, стр. 432.

³ Там же,

идеалистических теорий «героев и толпы». Не дойдя до последовательно научных марксистских взглядов на законы общественной жизни, Чехов, однако, делает замечательные догадки о решающей силе народа в истории. Он догадывается, что действия выдающихся личностей определенным образом социально обусловлены. Чехов подчёркивает, что психическая жизнь человека является результатом общественного характера его жизни. Он считает, что мысли, идеи, мнения каждого человека обусловлены теми общественными условиями, в которых он живёт. Он считает важным для психолога выяснение природы мыслей, мнений, выяснение связи между идеями и общественными условиями, породившими эти идеи. Так, говоря о своей повести «Скучная история», Чехов пишет: «Вся суть в природе этих мнений, в их зависимости от внешних влияний и проч. Их нужно рассматривать как вещи, симптомы, совершенно объективно»...¹

Правильно трактуя зависимость мыслей, мнений, идей, понятий и т. д. от условий общественной жизни, А. П. Чехов правильно, материалистически подходит к вопросу о природе языка и о взаимосвязях языка с общественной жизнью и её явлениями. Чехов с материалистических позиций критикует идеалистические установки Меншикова: «Выходит так, как будто, чем богаче язык, тем выше культура. А по-моему, наоборот: чем выше культура, тем богаче язык».² Под культурой в данном случае он понимает уровень развития общества, всю совокупность материальных и духовных процессов общественной жизни. Чехов не смог научно, марксистски поставить вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания, но материалистическая тенденция писателя в этом вопросе не подлежит никакому сомнению.

Великий писатель указывает, что мышление, непосредственной действительностью которого является язык, определяется воздействием реального мира на человека. «Количество слов — пишет Чехов — и их сочетаний находится в самой прямой зависимости от суммы впечатлений и представлений: без последних не может быть ни понятий, ни определений, а стало-быть, и поводов к обогащению языка».¹

Рассматривая язык как общественное явление, Чехов критикует идеалистические положения Меншикова о «порче языка» и т. д., подчёркивая, что в результате борьбы двух или нескольких языков, один из языков, более богатый и сильный, выходит победителем, а «порчи языка» никакой не происходит. Материалистическую направленность воззрений великого писателя характеризует его мысль, что в распространении того или другого языка большую роль играет изменение общественных условий.

А. П. Чехов не мог дать цельной теории языка как общественного явления, однако его материалистические взгляды по этому вопросу и аргументированная критика идеалистических «теорий» о языке имеет серьёзное значение.

Таким образом А. П. Чехов стоял в ряду передовых людей России, борцов за свободу для народа, за демократическое искусство, за материалистическую науку. В силу ряда условий А. П. Чехов не смог встать на позиции революционного пролетариата, не нашел пути к марксизму.

Являясь представителем широких демократических слоев русского общества, А. П. Чехов продолжает славные материалистические и демократические традиции русских революционеров-демократов. Несмотря на отдельные недостатки в философских воззрениях Чехова по сравнению с революционно-демократической философией Белинского и Чернышевского (непонимание им революционно-критической сущности диалектики,

¹ А. П. Чехов, т. 14, стр. 417.

² Там же, т. 15, стр. 428.

непонимание ряда материалистических положений философии революционеров-демократов в области истории и др.) А. П. Чехов является последователем русских революционеров-демократов, продолжателем материалистических традиций русской философии, развившим целый ряд положений Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

✓ Отражая в своих воззрениях нарастание революционного движения трудящихся масс крестьянства России в конце 19 и начале 20 века, Чехов объективно помогал борьбе марксистской партии. На основании известных нам данных, мы можем утверждать, что А. П. Чехов стал бы на сторону революции, если бы он дожил до «великой очистительной бури», приближению которой он способствовал своим могучим талантом.